

Д.В. Марьин

Алтайский государственный университет

Русско-японская война в творчестве В.М. Шукшина

Аннотация: В статье рассматриваются аспекты отражения реалий русско-японской войны 1904–1905 гг. в творчестве В.М. Шукшина. Устанавливается, что реалии войны используются в произведениях писателя в качестве временных маркеров для создания исторического фона, включаются в интертекстуальный уровень творчества писателя и участвуют в формировании сюжета произведения (в рассказе «Чужие»).

Ключевые слова: русская литература, В.М. Шукшин, русско-японская война, интертекст, сюжет.

Известно, что В.М. Шукшин на протяжении всей жизни интересовался историей. В этом смысле вполне закономерно высказывание биографа писателя В. Петренко: «У Шукшина по русскому и по иностранному языку в аттестате «тройки». «Тройки» и по физике, геометрии и тригонометрии. Зато по истории общей, по истории СССР, по географии «пять». Тут беру на себя смелость сказать: Шукшин – историк. Не по диплому, не по научной степени, не по солидным монографиям, а по всей сути своего творчества. Историк милостью божьей» [Петренко, 1989]. Тексты многих произведений писателя насыщены реалиями истории России начала XX в., а следовательно, могут быть прочитаны и интерпретированы сквозь призму исторических событий 1900-х гг., в частности, событий русско-японской войны 1904–1905 гг. Заметим, что родственники писателя участвовали в русско-японской войне: Андрей Фотиевич Попов (1877–1961), двоюродный брат С.Ф. Попова – деда Шукшина по линии матери и Михаил Павлович Шукшин (1877/78–1933), родной брат Леонтия Павловича – деда писателя по линии отца. М.П. Шукшин вместе с племянником М.Л. Шукшиным (отцом писателя) и братом И.П. Шукшиным были арестованы по одному уголовному делу и расстреляны в 1933 г. А.Ф. Попов был участником обороны Порт-Артура и, по воспоминаниям родственника писателя по материнской линии В.И. Байкалова, часто рассказывал о своей боевой службе. В.М. Шукшин слышал эти рассказы [Пряхина, 2005, с. 150]. Учитывая интерес В.М. Шукшина как к истории страны, так и к истории собственной семьи, вполне возможно предположить сознательное обращение писателя в своем творчестве к фактам войны 1904–1905 гг. В прозе Шукшина можно выделить несколько уровней включения в текст исторических реалий русско-японской войны.

1. Использование реалий русско-японской войны в качестве временных маркеров для создания исторического фона. Подобный прием применяется писателем в первой книге романа «Любавины», действие которого начинается ранней весной 1922 года. Мы, в частности, узнаем, что отца Павла Пьяных «*в японскую убило*» [Шукшин, 1987, с. 276], этим подчеркивается преемственность поколений героев. Среди частушек, которые поет на сенокосе Пашка Мордвин, есть и частушка явно возникшая в период русско-японской войны или после нее:

*Я матанечку свою
Работать не заставляю,
В Маньчжурию поеду –
Дома не оставлю.*
[Шукшин, 1987, с. 142]

Эта частушка по содержанию, набору стилистических приемов и лексических средств, в целом, близка записанным в феврале 1904 года в Московской губернии песням-частушкам возникшим *«исключительно под влиянием военных действий на Дальнем Востоке»*:

*Ты, милашечка моя,
Подымается война,
На войну меня угонят –
Ты останешься одна.*

*Ты, милашечка-цветок,
Я уеду на Восток,
На востоке-то война,
Может быть, убьют меня.*
[Степанов, 1904, с. 70].

У Шукшина лексема «милашечка» заменена на диалектную «матанечка», которая зафиксирована в «Словаре диалектизмов в произведениях В.М. Шукшина» [Воробьева, 2002, с. 54].

Использование подобного временного маркера необходимо писателю как хронологическая опора, некая абсолютная точка, привязанная к определенному историческому событию, т.к. время в самом романе довольно условно, расплывчато. Еще Л.А. Аннинский заметил, что *«герои первой книги “Любавиных” явно перенесены автором из психологической ситуации начала 30-х гг. в начало 20-х»* [Шукшин, 1988, с. 378]. Среди персонажей романа есть реально существовавшие люди, действовавшие в 30-е годы. Активист Яша Горячий (правда, уже в негативном ключе) упоминается В.М. Шукшиным и в автобиографическом рассказе «Солнечные кольца», представляющем собой воспоминания писателя о раннем детстве, т.е. именно о 30-х гг.:

Стоит у нас посреди избы страшный маленький человек с рыжей бородой – Яша Горячий, грозит пальцем и говорит: – Ты меня не пужай, не пужай – отпужались. – А мама стоит перед ним и говорит негромко: – Ну смотри, Яша, смотри... Я тебя не пужаю... Не доактивничать бы тебе.

Потом Яша полез на полаты и стал оттуда сбрасывать березовые чурбаки. (Березняк около села запрещалось рубить, но его рубили и прятали, где могли. А Яша Горячий, сельский активист, искал его по домам) [Шукшин, 1989б].

Но анахронизмов в романе Шукшин избежать не смог. Так, старик Михеюшка рассказывает Егору Любавину о том, как он в молодости охотился: *«Это ведь когда было-то! До японской! Соберемся, бывало, человек пять-шесть ребят, наладим, братец ты мой...тебя как зовут, я не спросил.<...> А здоровые какие все были!»* [Шукшин, 1987, с. 79]. При этом Михеюшка – «белоголовый древний старик» [Шукшин, 1987, с. 73]. Если это означает, что возраст Михеюшки 70–80 лет, а действие романа, напомним, происходит в 1922 – 1923 гг., то «до японской» – значит 18 лет назад, следовательно, Михеюшке уже тогда было за 50... Более того, события, хронологически произошедшие до русско-японской войны, приобретают в романе статус маловероятных (Михеюшка так и не рассказал свою историю Егору), и даже ложных. Рассказ Никона Дегтярева о том, как его увезли чер-

ти – «было это, дай бог памяти, годе во втором, не то в третьем – до японской ишио» [Шукшин, 1987, с. 145] – оказывается выдумкой.

2. Использование реалий русско-японской войны на уровне интертекста.

В рассказе «Сураз» Спирька Расторгуев, окруженный в бане милицией, отстреливаясь из ружья, поет:

*Врагу не сдается наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает!*

[Шукшин, 1989а, с. 118].

Это «залихватское “отстреливание” под ухарское пение “Варяга”» [Ничипоров, 2004, с. 37], по мнению И.Б. Ничипорова, сходное с психологическим состоянием героев В. Высоцкого, можно рассматривать как способ осознать лицом к лицу с опасностью «давящую бессмысленность бытия вне духовного опыта» [Ничипоров, 2004, с. 37]. То есть, очевидно, и как способ противостояния такому бездуховному бытию. Однако эпизод в бане заканчивается далеко не так героически, как начинался: «Потом он протрезвился, смертельно захотел спать... Выкинул ружье и вышел» [Шукшин, 1989а, с. 119]. Анализ интертекстуальных связей, создаваемых песней, позволяет глубже взглянуть на данную сцену.

Принято считать песню о «Варяге» народной. Таковой она, без сомнения, и является – по духу, по популярности в народе, но не по своему происхождению: в основу известной песни о легендарном крейсере, которую поет Спирька, положено стихотворение **немецкого** поэта Рудольфа Грейнца (1866–1942) «Памяти “Варяга”», впервые опубликованное 25 февраля 1904 г. в **немецком** журнале «Jugend». В России оно было перепечатано в «Новом журнале иностранной литературы, искусства и науки» (1904, № 4) вместе с переводом Е.М. Студенской (фамилия по мужу **Браун**, муж – Ф.А. Браун был известным профессором-**германистом** Петербургского университета) [Бирюков, 1994, с. 118]. Переводов стихотворения Грейнца было несколько, но только перевод Студенской оказался популярным и позже превратился в известную песню. Песня о «Варяге» начиная с 1912 г. и вплоть до 1945 г. нигде не публиковалась и официально не исполнялась. Только в 1945 г. она была записана на радио в обработке Краснознаменного ансамбля А.В. Александрова (при этом один куплет был исключен), а популярность песне принес художественный фильм «Крейсер “Варяг”», режиссера В. Эйсымонта («Союздетфильм», 1946), где прозвучал ее фрагмент. Пик популярности песни – конец 40-х – начало 50-х гг. Многие военнослужащие в письмах в редакции популярных советских СМИ интересовались историей происхождения песни [Бирюков, 1994, с. 118]. Напомним, что именно в это время (1949–1953 гг.) Шукшин служил на флоте и тоже мог познакомиться с историей возникновения песни.

«Немецкий след» в истории происхождения песни о «Варяге» [Куланов, 2005, с. 77] отсылает к учительнице немецкого языка, которой Шукшин в судьбе Спирьки отвел роковую роль.

Жизнь Спирьки скособочилась рано. Еще только он был в пятом классе, а уж начались с ним всякие истории. Учительница немецкого языка, тихая обидчивая старушка из эвакуированных, пристально рассматривая Спирьку, говорила с удивлением:

– Байрон! Это поразительно, как похож!

Спирька возненавидел старушку. Только подходило «Анна унд Марта баден», у него болела душа – опять пойдет: «Нет, это поразительно!.. Вылитый маленький Байрон». Спирьке это надоело. Однажды старушка завела по обыкновению:

– Невероятно, никто не поверит: маленький Бай...

– Да пошла ты к... – И Спирька загнул такой мат, какого постеснялся бы пьяный мужик [Шукшин, 1989а, с. 113].

Несомненно, в рассказе Шукшина учительница **немецкого** языка *«невольню программирует дальнейшую судьбу Спирьки Расторгуева»* [Куляпин, 2005, с. 95]. Интересно, что прообразом учительницы немецкого языка, скорее всего, была учительница **английского** языка в автомобильном техникуме, где Шукшин учился в 1944–1947 гг., *«Нина Семеновна, <...> немного чудаковатая женщина, эвакуированная из Ленинграда»* [Гришаев, 1984, с. 143]. После конфликта с ней В.М. Шукшина исключают из техникума, и он едет сначала в **Новосибирск** в редакцию журнала «Сибирские огни», а затем в Москву. Спирька же уходит из школы и убегает на фронт, но его ловят в **Новосибирске**. Характерно, что Шукшин меняет «языковую специальность» учительницы с английского языка на **немецкий**. Но судьба Спирьки проецируется и на судьбу легендарного крейсера, воспетого в песне на стихи **немецкого** поэта, опубликованные в **немецком** журнале, переведенные на русский язык женой профессора с **немецкой** фамилией. Параллелизм присутствует уже на ономастическом уровне. Имя «Спиридон», согласно одной из версий, означает «незаконнорожденный». Это вполне соответствует и названию рассказа «Сураз», т.е. «внебрачный ребенок» [Воробьева, 2002, с. 95]. Мать «прижила» Спирьку от *«поезжего молодца»* [Шукшин, 1989а, с. 114], иначе – от **варяга**. Спирька же *«был вылитый отец, даже характером сибибал, хоть в глаза не видел его»* [Шукшин, 1989а, с. 114]. Отчаянная стрельба из ружья под песню про «Варяг», и последующая бесславная капитуляция противоречат друг другу только на первый взгляд. Если в песне легендарный крейсер погибает вместе с командой в бою, то в реальности все было несколько иначе. В бою с японской эскадрой 27 января (9 февраля) 1904 г. у корейского порта Чемульпо «Варяг» получил тяжелые повреждения и вернулся в порт для исправления. Однако, видя, что это невозможно, по словам командира корабля В.Ф. Руднева *«не желая дать неприятелю возможность одержать победу над полуразрушенным крейсером, общим собранием офицеров решили потопить крейсер»* [Руднев, 1907, с. 336], т.е. формально произошло самоубийство корабля. «Банная капитуляция» Спирьки – лишь временное отступление, настоящий и решительный бой он выдержит с учителем Сергеем Юрьевичем. В финале рассказа «гордый сураз» Спирька, жестоко избитый учителем, не в состоянии вынести позора поражения и не желая дать противнику морального превосходства, подобно «гордому “Варягу”» кончает жизнь самоубийством. При этом для Спирьки главным является именно моральный аспект поражения: *«Ну фраер!.. тряпка, что же ты? Тебя метелят, как тварь подзаборную, а ты... Ну! Ведь как били-то! Смеясь и играя... Возили. Топтали. Что же ты? Ведь ни одна же баба к себе не допустит такую слякоть»* [Шукшин, 1989а, с. 131]. В итоге, проиграв физически, Спирька одержал моральную победу. Судьба Спирьки Расторгуева – это трагедия, *«но трагедия, где главный герой ее не опрокинут нравственно, не раздавлен...»* [Шукшин, 1991, с. 473].

3. Использование реалий русско-японской войны на уровне сюжета осуществляется в рассказе «Чужие» (1974). Этот рассказ относится к циклу так называемых «внезапных рассказов», ставшему последним в жизни В.М. Шукшина. В сборники произведений писателя этот рассказ включается редко, и в фокус внимания исследователей не попадал. Рассказ встает в один ряд с такими произведениями Шукшина, как «Я пришел дать вам волю», «Любавины», «Миль пардон, мадам!», «Экзамен», где писатель пытается представить собственный взгляд на историю.

В рассказе сопоставляются эпизоды из жизни двух героев: великого князя генерала-адмирала Алексея Александровича Романова и сrostинского пастуха дяди Емельяна. Эпицентром сопоставления является именно война 1904–1905 гг. В жизни обоих русско-японская война сыграла важную роль. Алексей Александрович как генерал-адмирал, т.е. начальник флота и морского министерства, «глава и хозяин русского флота» [Шукшин, 1989а, с. 577] готовил флот к войне, крайне

злоупотребляя финансами в личных целях. «Красным дням генерала-адмирала Алексея положила конец японская война» [Там же, с. 578], «Цусима dokonчила Алексея» [Там же, с. 579]. Неудачи в войне привели к отставке Алексея Александровича и к последующей эмиграции, где он и «помер от случайной простуды» [Там же, с. 579]. Дядя Емельян – бывший матрос, был участником русско-японской войны, причем именно этот факт очень важен для Шукшина: «Тогда-то я и узнал, что он был моряком и воевал с японцами. И был даже в плену у японцев. Что он воевал, меня это не удивляло – у нас все почти старики где-нибудь когда-нибудь воевали, но что он – моряк, что был в плену у японцев – это интересно» [Там же, с. 580]. Русско-японская война разлучила Емельяна с любимой женщиной, «заснобой»: «Я бы и женился на ней, но вскорости на службу забрали...» [Там же, с. 582]. В целом, при поверхностном прочтении, рассказ представляет собой элементарное противопоставление судеб «знатного» человека, высокопоставленного чиновника и «сельского жителя», простого крестьянина, что характерно для проблематики творчества Шукшина («Срезал» и др.). «Хочу растопырить разум, как руки, – обнять две эти фигуры, сблизить их, что ли, чтобы поразмыслить<...>, а не могу. Один упрямо торчит где-то в Париже, другой – на Катуни, с удочкой» [Там же, с. 583]. Однако именно знание исторических фактов войны 1904–1905 гг. позволяет глубже взглянуть на этот рассказ.

Первая часть рассказа, в которой говорится о жизни великого князя Алексея Александровича, по утверждению автора-рассказчика, полностью представляет собой цитату из некоей исторической работы. «Попалась мне на глаза книжка, в ней рассказывается о царе Николае Втором и его родственниках. Книжка довольно сердитая, но, по-моему, справедливая. Вот что я сделаю: я сделаю из нее довольно большую выписку, а потом объясню, зачем мне это нужно» [Там же, с. 576]. Действительно, исследователи отмечают стремление Шукшина к документальности в позднем творчестве [Куляпин, 2005, с. 110]. Однако ряд обстоятельств позволяет поставить под сомнение «документальность» этой части рассказа:

1) обилие просторечных слов и выражений, что вряд ли допустимо в научно-исследовательской работе, но вполне характерно для языка шукшинского рассказчика: «Но в классы он не ходил, а **путался** по разным театрикам и трактиричкам» [Шукшин, 1989а, с. 576] и др. При этом сам автор-рассказчик может вмешиваться в цитату: «Ни один подряд по морскому ведомству не проходил без того, чтобы Алексей с бабами своими не **отщипнул** (я бы тут сказал – **не ханнул** – В.Ш.) половину» [Там же, с. 577]. Даже императору Николаю II приписывается фраза явно просторечного происхождения: «Лучше бы ты, дядя, воровал вдвое да хоть брони-то строил бы настоящие» [Там же, с. 579].

2) исторические факты, связанные с событиями русско-японской войны, упоминаемые рассказчиком, являются не только спорными, но часто заведомо искаженными и ложными. Так как сам автор-рассказчик довольно подробно описывает исторические события, то и нам придется в ряде случаев прибегнуть к подробным комментариям. К числу **спорных** фактов относится следующий: «У японцев на Тихом океане оказались **быстроходные крейсера** и **броненосцы**, а у нас – **старые калоши**» [Там же, с. 578]. Многие исследователи русско-японской войны, как дореволюционные, так и современные, считают, что русский флот на Тихом океане к началу войны не уступал японскому ни по числу кораблей, ни по качеству вооружений [Широкоград, 2005, с. 63]. Именно в бытность генералом-адмиралом Алексея Александровича в 1897 г. была утверждена пятилетняя кораблестроительная программа «для нужд Дальнего Востока», согласно которой все новые современные корабли направлялись на Тихий океан. Но по предложению министра финансов С.Ю. Витте срок ее реализации был перенесен с 1903 на 1905 г., что в итоге и оказалось роковым.

Безусловно **ложным** утверждением автора является тезис о том, что броненосец «*Цесаревич*» **впервые** (выделено Шукшиным. – М.Д.) *стрелял из орудий своих в том самом бою, в котором японцы издырявили его в решето*» [Шукшин, 1989а, с. 578]. Автор, конечно, имеет в виду бой 28 июля (10 августа) 1904 г. в Желтом море. Но «Цесаревич» **впервые** стрелял из орудий уже в ночь начала войны 26–27 января (8–9 февраля) 1904 г. (т.е. за полгода до указанной даты), когда японские корабли атаковали русскую эскадру на стоянке в Порт-Артуре, и «Цесаревич» был поврежден японской торпедой. На следующий день броненосец поддерживал огнем береговые батареи в бою с японским флотом, подошедшим к крепости. В морском сражении 28 июля он вовсе не был *«издырявлен в решето»*. Для сравнения приведем такой факт: в «Цесаревич» отмечено (по разным источникам) **9–13** попаданий снарядов, а в броненосец «Микаса» (флагманский корабль японцев) – **22(!)**. В этом бою ни одно русское судно не погибло. «Цесаревич» после боя ушел в нейтральный порт, а после войны вернулся на Балтику, где и прослужил до 20-х гг. Эти факты можно найти в любой книге о русско-японской войне, и подобная их подача в рассказе может быть объяснена только сознательным искажением исторических событий. К числу ложных фактов относятся также следующие утверждения автора: на русских кораблях *«пушки не стреляли»* [Шукшин, 1989а, с. 578], *«брони на броненосцах – металлические лишь чуть сверху, а снизу деревянные»* [Там же, с. 579]. Полностью искажена история с куплей – продажей *«чилийских броненосцев»* [Там же, с. 577] (в реальности – итальянских крейсеров).

Более того, автор приводит факты просто **фантастические**: *«Один француз изобрел необыкновенную морскую торпеду. Она подымает могучий водяной смерч и топит им суда»* [Там же, с. 578]. Заметим, что такого чудо-оружия не создано до сих пор. Однако далее в рассказе автором сочиняется целая история о том, как француз, якобы, пытался продать торпеду русскому флоту; о том, как из-за царящего при полном попустительстве генерала-адмирала взяточничестве в морском министерстве эта попытка не удалась; о том, как торпеду купили японцы *«просто затем, чтобы ее не было у русских»* [Там же, с. 578]. Затем даже делается предположение: *«не подобная ли торпеда опрокинула “Петропавловск” и утопила экипаж его вместе с Макаровым»* [Там же, с. 578], хотя достоверно известно, что броненосец «Петропавловск» погиб на якорной мине заграждения и последующей детонации боезапаса.

Зачем Шукшину понадобилась подобная псевдодокументальность? Этот вопрос провоцируется в тексте самим писателем: *«Для чего же я сделал такую большую выписку про великого князя Алексея? Я и сам не знаю»* [Там же, с. 583]. И здесь необходимо обратиться непосредственно к героям рассказа. Если великий князь генерал-адмирал Алексей Александрович Романов (1850–1908), родной брат императора Александра III, личность историческая, о которой еще при жизни сложились многочисленные легенды и анекдоты вроде *«Жизнь Алексея занимали верткие дамы и неповоротливые броненосцы»* [Широкопад, 2005, с. 63], то прототип дяди Емельяна установить не удалось. По свидетельству Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 года [ЦХАФ АК₁], в с. Сrostки в указанное время проживали только три человека с именем «Емельян», но все они по разным причинам не могли быть героями рассказа. Вместе с тем, в переписи содержатся имена других героев-прототипов писателя, например: *Емельянов Ермолай Григорьевич*, 1887 г.р. [ЦХАФ АК₂] (рассказ «Дядя Ермолай») или *Отпущенников Алексей*, 1903 г.р. [ЦХАФ АК₃] (рассказ «Леся»). Не подтвердились и другие сведения о дяде Емельяне и его семье, которые приводятся автором. Есть все основания считать дядю Емельяна **вымышленным персонажем**. Рассказ, таким образом, строится на своеобразной асимметрии: первая часть произведения есть вымышленная история о реальном лице, вторая часть – реалистическая история о лице вымышленном.

Автор-рассказчик утверждает, что его герои – совершенно чужие друг другу люди. «А что если бы они где-нибудь ТАМ – встретились бы? Ведь ТАМ небось ни эпох, ни драгоценностей нету. И дворцов тоже, и любовниц, ничего: встретились две русские души. Ведь и ТАМ им не о чем было бы поговорить, вот штука-то» [Шукшин, 1989а, с. 583]. Но так ли это? Так ли не о чем было бы поговорить двум героям? Ложная документальность первой части рассказа позволяет подвергнуть сомнению и данное утверждение автора.

По сути, «Чужие» – это история взаимоотношений двух героев с женщинами. В первой части рассказа жизнь и деятельность великого князя показаны на фоне его любовных отношений с французской танцовщицей Мокур, княгиней З.Д. Лейхтенбергской и с балериной-француженкой Балетта. История дяди Емельяна – история о его любви к «вдовухе» из Нуймы, с которой его разлучила война, и о его жене, «бабке Омелянихе». Оба героя – и генерал-адмирал Алексей, и дядя Емельян – совершали из-за женщин роковые, ненормативные поступки. Алексей «вечно нуждаясь в деньгах на игру и женщин <...> бессовестно грабил казну» [Шукшин, 1989а, с. 577]. Емельян, после того как нуйминские мужики из мести за его связь с вдовухой отвязали плоты сплавного леса, сначала один вступает в драку с толпой нуйминцев, а затем совершает невообразимую погоню за плотами: «От Нуймы до Быстрого Исхода без передыху гнал – верст пятна-дцать» [Там же, с. 581]. Кроме того, женщинам героев придают колдовские черты. Жена дяди Емельяна с помощью колдовства заставляет вора вернуть украденный на свадьбе пиджак Емельяна. В отношениях великого князя Алексея с фаворитками присутствует мотив некоего воздействия на него, управления генералом-адмиралом: «одна из них, по фамилии Мокур, совсем его замотала» [Там же, с. 582], Алексеем «вертела, как пешкою Балетта» [Там же, с. 578]. Именно здесь, в отношениях с женщинами, обнаруживается общность этих, на первый взгляд разных, людей. Разделенные в рамках «большой» истории социально, классово, они оказываются близки друг другу по-человечески. История «сельского жителя» становится в один ряд с историей «знатного» государственного деятеля.

Теперь возможно объяснить обращение В.М. Шукшина к псевдодокументальности в рассказе. Используя подобный прием, писатель подвергает сомнению марксистское истолкование хода исторического процесса, в основе которого лежат социальные противоречия между классами. У Шукшина же исторические факты определяются во многом причинами личными, психологическими и, зачастую, случайными. Именно такой подход мы встречаем и в рассказе «Экзамен», где пленение князя Игоря сопоставляется с эпизодом из жизни студента-заочника, во время войны бывшего в плену у немцев. Подобный личностный взгляд на историю присутствует в рассказах «Миль пардон, мадам!», «Стенька Разин», романах «Любавины» и «Я пришел дать вам волю». Шукшин всегда старается представить исторического героя, очищенного от социальных штампов и легенд: «надо по возможности суметь «отнять» у него прекрасные легенды и оставить человека» [Шукшин, 1991, с. 472].

Исторические реалии русско-японской войны, безусловно, не занимают центрального положения в творчестве Шукшина, однако, можно констатировать сознательное обращение В.М. Шукшина к фактам войны 1904–1905 гг., которые выполняют определенные художественные задачи в текстах писателя.

Литература

- Бирюков Ю. «Врагу не сдается наш гордый «Варяг»...» // Родина. 1994. № 8.
- Воробьева И.А. Словарь диалектизмов в произведениях В.М. Шукшина. Барнаул, 2002.
- Гришаев В. «Я родом из деревни...». Материалы к биографии // Шукшинские чтения: статьи, воспоминания, публикации. Барнаул, 1984.
- Куланов А. Налетели ветры злые, да с восточной стороны // Родина. 2005. № 11.
- Куляпин А.И. Творчество В.М. Шукшина: от мимезиса к семиозису: Учеб. пособие. Барнаул, 2005.
- Ничипоров И.Б. В. Шукшин и В. Высоцкий: параллели художественных миров // Шукшинские чтения: Сб. материалов музейной научно-практической конференции. 1–4 октября 2003 г. Барнаул, 2004.
- Петренко В. Голос минувшего, эхо грядущего // Алтайская правда. 1989. 21 июня.
- Пряхина А.С. Воспоминания о Шукшине // Шукшинский вестник. Сrostки, 2005. Вып. 1.
- Руднев В.Ф. Бой «Варяга» у Чемульпо // Русская старина. 1907. № 2.
- Степанов В. Новые песни-частушки (по поводу войны) // Этнографическое обозрение. 1904. № 3.
- Широкорад А.Б. Падение Порт-Артура. М., 2003.
- Шукшин В.М. Любавины. Сельские жители: Ранние рассказы. Барнаул, 1987.
- Шукшин В.М. Любавины. Рассказы. Барнаул, 1988.
- Шукшин В.М. Рассказы. Барнаул, 1989а.
- Шукшин В.М. Солнечные кольца // Советская Россия. 1989б. 12 июля.
- Шукшин В.М. Я пришел дать вам волю. Публицистика. Барнаул, 1991.
- ЦХАФ АК₁ Ф.233. Оп. 1а. Д. 572–574.
- ЦХАФ АК₂ Ф.233. Оп. 1а. Д. 572. Л. 127.
- ЦХАФ АК₃ Ф.233. Оп. 1а. Д. 573. Л. 18.